

Ф. В. КРЕЧЕТОВ—ЗАБЫТЫЙ РАДИКАЛЬ- НЫЙ ПУБЛИЦИСТ XVIII ВЕКА

Сообщение Н. Чулкова

I

В разряде VII бывшего Государственного Архива, ныне входящего в состав Особого отдела Центрального Исторического Архива, хранится дело «по доносу дворового человека помещика Татищева Малевинского о преступниках: отставном подпоручике Кречетове и купце Еркове 1793 года» (№ 2813), принадлежащее к фонду Тайной экспедиции, с «бумагами и сочинениями Кречетова» в качестве приложения к делу (№ 2812, в 6 частях)¹. Это дело касается одного из ранних противников самодержавия—Федора Васильевича Кречетова, автора и переводчика многих сочинений, оставшихся в рукописи, за исключением небольшого числа их, напечатанного анонимно. Поэтому хотя в библиографической литературе (Сопиков) и имелись указания на эти сочинения, мы не находим упоминания о Кречетове ни в одном дореволюционном словаре: ни в специальных словарях писателей (Евгений Болховитинов, Геннади, Венгеров), ни в общих («Русский биографический словарь», энциклопедические словари). Впервые сообщил о нем и его сочинениях М. Корольков в апрельской книжке «Былого» 1906 г. в статье «Поручик Федор Кречетов. Шлиссельбургский узник XVIII в.», написанной на основании вышеупомянутых дел Государственного Архива, и благодаря этой статье Кречетову посвятил несколько страниц Г. В. Плеханов в третьем томе своей «Истории русской общественной мысли» (изд. 2-е, доп., стр. 293—296) и даны краткие сведения о нем в первом томе Био-библиографического словаря деятелей революционного движения в России, издаваемого Обществом политкаторжан.

Биографические сведения о Кречетове очень скудны. О происхождении его нет никаких данных. Он начал службу в 1761 г. писцом в Карачевской воеводской канцелярии, затем служил в государственной юстиц-коллегии копиистом, подканцеляристом и канцеляристом и 9 октября 1769 г. уволен для поступления в военную службу. Однако и в армии служба Кречетова проходила в канцелярии: сначала он служил писарем в штабе фельдмаршала графа К. Г. Разумовского, а с 1771 г. аудитором в Тобольском пехотном полку и 15 декабря 1775 г. произведен в подпоручики и уволен от военной службы. В июне 1776 г. Кречетов был назначен секретарем в Малоярославецкий нижний земский суд². Указом Сената от 22 сентября 1778 г. велено его «за неправо тем... судом о приведенных якобы с краденою телегою церковнических детях решение, в чем виновным нашелся он, Кречетов, от дел его отрешить и впредь ни к каким делам не определять»³. Однако повидимому ему удалось оправдаться: 5 августа 1779 г. он был пожалован в поручики «для его оказанной к службе нашей ревности и прилежности», как гласит патент на этот чин⁴. Кречетов был причислен к герольдии для определения к делам, но, несмотря на все свои старания, никакого места не получил и только в конце 1781 г. поступил на службу в петербургскую полицию и прослужил там до 1 июня 1782 г. Дальнейшие хлопоты о получении места не увенчались успехом. Кречетов пытался сделаться библиотекарем цесаревича Павла Петровича, цензором, «сочинителем» в комиссии по составлению нового уложения, членом комиссии о народных школах (1783), но везде получал отказ. Ему приходилось служить у частных лиц, чтобы иметь средства к существованию. Так он был несколько лет библиотекарем князя Петра Никитича Трубецкого (1724—1791), сенатора и помощника И. И. Бецкого по управлению канцелярией строений, обладавшего замечательной библиотекой, и у его вдовы Натальи Васильевны⁵, но по

большей части он занимался хождением по судам по тяжёлым делам и писанием прошений по этим делам для разных лиц за стол и квартиру.

16 апреля 1781 г. Кречетов получил от комиссии, учрежденной при Академии Наук, патент на звание учителя⁶, но повидимому не для преподавания, а со специальной целью, о которой будет сказано ниже. У Трубецкого он жил в 1783—1785 гг. *Поссорившись* из-за своей литературной деятельности с Трубецким, относившимся к ней отрицательно, Кречетов перешел к бывшему купцу, подполковнику Ивану Власовичу Логинову, сочинял для него прошения по делу о секвестре его домов и вел прочие дела. Разойдясь и с ним, он жил в 1789—1791 гг. «для компании» у секунд-ротмистра конной гвардии Дмитрия Васильевича Татищева и его братьев и писал им прошения по тяжбе их с другими братьями из-за раздела отцовского имения⁷. *Поссорился* Кречетов и с Татищевым после того, как доставил ему такого покупателя на дом, от которого он понес убыток, и переехал к вдове Трубецкого, вступив снова в заведывание библиотекой за стол и квартиру, но и у нее пребывание его окончилось неприятностями, и он переехал сначала к купцу Еркову, а потом к Окулову⁸.

Какого происхождения был Кречетов, как уже сказано, неизвестно. То обстоятельство, что он начал службу писцом и продолжал ее в низших канцелярских должностях, занимал нестроевые должности, даже и числясь на военной службе, показывает, что он был происхождения не дворянского: дворяне в то время обыкновенно служили на военной службе, предоставляя службу в канцелярии разночинцам, главным образом выходцам из семей, члены которых из поколения в поколение несли канцелярскую службу. Что Кречетов не был дворянином, показывает и то, что он просил о занесении его во вторую часть дворянской родословной книги, куда записывались лица, имеющие право на дворянство по полученному ими военному чину. Где он получил образование—также неизвестно; сочинения его показывают замечательную начитанность и в светской, и в церковной литературе, а также и знакомство с французским и немецким языками. Среди лиц, принадлежавших к одной с ним социальной группе, Кречетов является исключительной фигурой. Плеханов называет его талантливым, мало влиятельным, но искренним, пытливым человеком. В этой характеристике нельзя согласиться только с первым эпитетом: таланта Кречетов не имел, но стремление к самообразованию у него было необыкновенное. Еще в первые годы службы у него является желание повысить свою квалификацию как юриста-практика, и он изучает юридические науки. «Познавая в науках юридических великую трудность, всеми силами собирал о них понятия, дабы составить себе лучшее для исполнения моей должности правило», сообщает сам Кречетов в прошении на имя Екатерины II⁹ в феврале 1787 г. Сделавшись полковным аудитором, Кречетов еще более почувствовал потребность в знании юриспруденции. Заведывание таким замечательным собранием книг, как библиотека Трубецкого, дало ему возможность перечитать множество научных и литературных произведений. Читая, он делал для себя выписки, которые потом использовал для своих сочинений. В его архиве, взятом у него при аресте и сохранившемся до сих пор при деле, имеются выписки из разных сочинений от Платона до Вольтера. Писать было его страстью, доходившей до графомании. Не обладая литературным талантом, Кречетов писал тяжелым языком, с очень путанной конструкцией фраз, длиннейшими периодами, с большой примесью церковно-славянских слов, со множеством сложных словообразований; в особенности любил он прибавлять к разным словам слово благо, как например: «Итак благоволите же благовнимательное человечество быть благоснисходительным»¹⁰. Часто фраза у него прерывается доказательствами какого-нибудь положения и возобновляется через много строк. Читать произведения Кречетова чрезвычайно трудно, и вряд ли многие современники их осилили добровольно. Но если у него не было таланта, то зато у него были способности к необыкновенно кропотливой работе и к систематизации. Его страсть к расчленению содержания своих произведений доходит до крайности.

Иногда у него не только фраза составляет отдельное подразделение, но и одно слово. Сочинения его делятся на томы, томы на книги, книги на главы, главы на параграфы, параграфы на пункты, пункты на черты. Каждое положение у него сопровождается многочисленными доказательствами, взятыми из Священного писания, Наказа Екатерины II и других юридических памятников, русских и иностранных писателей. Примечания под текстом чрезвычайно обширны, но, не ограничиваясь ими, он и самый текст, как сказано выше, прерывает ссылками на источники, подтверждающие его положения. Подлинников сочинений Кречетова сохранилось очень мало, потому что, обладая неразборчивым почерком, он всегда отдавал их перебирать. Постоянных переписчиков у него было несколько человек (писарь Ми-

хаил Скворцов, польский уроженец Петр Давиденко, человек Трубецкого Пономарев). Не имея никакого состояния, живя исключительно личным трудом, Кречетов не жалел денег на уплату переписчикам и часто снимал с себя последнее, чтобы их удовлетворить. Свои сочинения Кречетов читал всем знакомым и всегда носил с собой которое-нибудь из них. Чтение его вызывало часто споры. Человек чрезвычайно вспыльчивый, «бешеный», по определению его знакомых, Кречетов не выносил противоречий и выходил из себя при спорах. Многие любили нарочно доводить его до бешенства и забавлялись его видом. В пылу спора он употреблял самые неосторожные выражения, что и довело его до заключения в Алексеевском равелине и Шлиссельбургской крепости.

II

Кречетов был человек одной идеи, которую он и проводил во всех своих сочинениях. Познакомившись во время своей двадцатилетней службы в провинции и столице с положением русского народа, почти поголовно неграмотного, с его страданиями от гнета помещиков, злоупотреблений чиновников, неправосудия судей, он стал думать о том, как вывести его из такого положения, и ему показалось, что он нашел средство. Он стал считать себя призванным известным только ему одному путем обновить не только Россию, но и все человечество. Он мечтал создать по своему плану «закон всем общежительствам человеческим» и монархов сделать только стражами или блюстителями закона. Под словом «закон» он подразумевал, по всей вероятности, конституцию, выразиться же яснее не мог по цензурным условиям, но когда во время следствия в Тайной экспедиции у него спросили, что он понимает под вышеприведенными словами, Кречетов объяснил, что желает ограничить самодержавную власть, подобно тому, как она была ограничена верховниками при избрании на престол Анны Иоанновны. «Вольность» была его заветной мечтой, но дать ее невеждам—опасно. Общество должно быть сначала подготовлено к ней. Ликвидация неграмотности, распространение просвещения, установление правосудия—вот что должно предшествовать окончательной реформе. Прежде всего Кречетов призывал к «ликбезу», говоря современным языком. Все мужчины и женщины должны быть грамотны, должны уметь читать и писать. Им был составлен план, как в кратчайшее время достигнуть этой цели. В связи с этим Кречетов и добился звания учителя. Кроме школ для обучения грамоте должны быть созданы школы юридические, которые должны способствовать установлению правосудия. После того как людские умы будут подготовлены к реформе, созывается собрание людей знатных и всякого состояния, на обязанности которых будет лежать сочинение законов. Обвинители Кречетова утверждали, что он желал освобождения крестьян и установления республики и агитировал среди солдат, при помощи которых хотел совершить переворот. Конечно писать об этом открыто Кречетов не мог, если таковы и были его желания. Вообще в деятельности Кречетова надо различить его писания, в которых он является пламенным почитателем Екатерины II, ее Наказа и созданных ею учреждений, и его разговоры, в которых он проводит совершенно другие взгляды, понося тирана Петра I и распутницу Екатерину II со всеми ее приближенными. Но если в политическом отношении Кречетов является вольнодумцем с точки зрения того времени, учеником энциклопедистов, то в религиозном отношении он стоит на старой платформе и наравне с законом естественным закон христианский у него является основой всего. Однако к официальной церкви он относился отрицательно, а среди его рукописей находится и антирелигиозное сочинение: «Катихизм честного человека или разговор между калуером и честным человеком, переведенный с греческого обыкновенного господином J. J. R. C. D. C. D. G.» (т. е. Jean Jacques Rousseau, citoyen du canton de Genève)¹¹. Кречетов был также убежденным пацифистом и высказывал мнение, что после переворота армия не будет нужна, так как войны больше не будет. Впрочем по его мнению уже и при Екатерине можно было бы достигнуть того, чтобы войны в Европе прекратились. Считая себя реформатором, Кречетов однако находил, что задуманное дело не может быть создано им единолично, а требует коллективного творчества. Для проведения своих идей в жизнь он основал особое общество, получившее вычурное название в стиле его писаний «Всенародно вольно к благодействованию составляемое общество».

Таким образом в легальной деятельности Кречетова намечаются три основных момента: проекты ликвидации неграмотности и распространения просвещения, внедрение правосудия и образование общества благодействования. Рассмотрим каждый из этих моментов.

По собственному признанию Кречетова он нашел в 1774 г. способ к размножению словесных наук «посредством наискорейшего обоего пола людей читать и писать научения», но не принимал никаких мер для получения привилегии на открытый им способ, пока не было опубликовано Екатериной II учреждение о наместничествах, намечавшее открытие казенных школ. В 1779 г. Кречетов приехал в Петербург и в 1781 г. получил звание учителя. После этого он неоднократно присылал свой план в высшие правительственные учреждения и просил на него привилегию. Так, в августе 1783 г. он представил Екатерине через П. В. Завадовского свой труд о распространении словесных наук, который в сентябре был возвращен ему обратно¹². В октябре 1784 г. им было представлено в Сенат доношение с планом устройства народных училищ «для скорейшего российской грамоте читать и писать научения», по которому «без ущерба казенного и народу без малейшей тяготы действовать надежно». Можно подумать, что Кречетовым открыты новые методы обучения грамоте, в действительности же в его плане о методах никакой речи нет, а в 16 его параграфах говорится об организации школ: «Школы для желающих учиться учредить по родам и состояниям департаментами: 1) дворянства, 2) художеств, 3) письмоводства, 4) купечества, 5) разночинцев». Каждая школа делится на департаменты по возрасту. Затем устанавливается число учеников в школе, срок обучения, плата за учение (деньгами или натурой), размер которой не определяется, правила надзора за учениками, которые должны безотлучно находиться в школе, и т. п.¹³ Кроме школ грамотности Кречетов намечал еще учреждение юридических и коммерческих школ.

В июне 1791 г. Кречетов представил Екатерине II план «национальной в России благоучительной (словесно-учительной) школы» при прошении, в котором доказывал необходимость просвещения в России, где среди людей «среднего рода» только половина, а среди земледельцев один из ста грамотны, не говоря уже о женском поле, и где такая нужда в «письмоводцах» и юристах¹⁴.

Как указано выше, Кречетов очень рано, в связи с его служебными занятиями, почувствовал необходимость изучения юриспруденции и стал собирать для себя материалы. По переселении в Петербург он прочитал в первом томе «Истолкования английских законов» («Истолкование английских законов г. Блэкстона, перевел с английского языка по высочайшему повелению С. Десницкий». 3 части. М., 1780—1782. 8°), что «сочинение на российском языке всеобщей или универсальной юриспруденции весьма бы полезно было для доставления россиянам яснейшего понятия о полной системе законов», и под влиянием этих слов составил «план юридической, по которому удобно было бы сочинить юриспруденцию», после чего приступил к сочинению труда по юриспруденции, которую он понимал очень широко. Первый том юридического плана был им представлен в 1783 г. императрице, но ею возвращен обратно¹⁵. Работа над юриспруденцией показала ему, что она не под силу одному человеку, и он стал посылать разным лицам приглашения писать для общей работы, из этих писем составил «периоды» и хотел напечатать первый период, но цензура не пропустила. Кречетов стал предлагать образовывать общество для совместной работы, но многие отказывались на том основании, что общества запрещены ст. 208 Устава благочиния. Только после издания Екатериной II жалованных грамот дворянству и гражданству обществу удалось наконец открыться. В феврале 1787 г. Кречетов снова обратился к Екатерине II с прошением, чтобы она разрешила открыть юридические школы на государственном иждивении, каждому благоученому и благолюбительному человеку вступать в его общество и сочинить полную науку благоправительно-судомудрствования или юриспруденцию. В заключение он просил, чтобы императрица «плана юридического первый том утвердила за генеральный контракт со всеми теми, кои по нем в дело вступать будут», разрешила под своим ведением завести школы юридические при Сенате, с позволением везде в библиотеках и государственных архивах выписывать нужнейшие и полезнейшие материи, и приняла все дело под свое покровительство. Как и раньше, желаемого результата не было¹⁶.

«Всенародно вольно к благодествованию» составленное общество было открыто 30 августа 1785 г. В бумагах Кречетова сохранились определения Общества, им же составленные в качестве неперменного секретаря¹⁷. Все они написаны по одному шаблону. В начале перечисляются все святые, память которых празднуется в день заседания, а также рождения и тезоименитства членов царствующего дома. Определения подписывались присутствующими членами. Кречетов был избран неперменным секретарем на заседании 22 сентября 1785 г., и ему был дан наказ, конечно составленный им же самим. 25 декабря 1785 г. постановлено завести типографию: «Определили: или купить или построить собственную обществу сему всех

юридических и собственных своих деяний в свет ко изданию для напечатывания типографию и для того, в силу общества сего сентября 20 дня определения, сделать капитал и сложность, какую кто изволит, каждого благолюбительного человека, в общежительстве истинны, чести и славы себе и спокойства общего к снисканию стремящегося, на сие приглашая». Определение от 1 января 1786 г. снова касается типографии¹⁸. К нему приложен подписной лист для сбора денег на устройство типографии. Собираемый капитал был трех видов: благодеяния, одолжения и приобретения; первый состоял из пожертвований, второй из денег, даваемых займам беспроцентно, а третий из денег, даваемых займам из 6%. На первые два капитала никто не подписался, а на третий подписались на сумму в 75 рублей. Много определений касается печатания сочинений Кречетова; так 12 декабря 1785 г. определено напечатать его «ироническое сочинение Глупиаду». Интересно было бы выяснить социальный состав членов Общества. Их было около сорока человек, в том числе хозяин Кречетова Д. В. Татищев. Самыми аккуратными посетителями заседаний были Алексей Комаров, Петр Соловьев и Иван Якубовский. Среди членов были и иностранцы и даже иностранки; определения 27 апреля 1786 г. и 21 мая 1787 г. подписаны немками: на первом пять немецких подписей и одна русская, но тоже немки, на втором четыре немецкие подписи¹⁹. На определении одного из заседаний имеется подпись Федора Поспелова; это, по всей вероятности, Федор Тимофеевич Поспелов, питомец Московского университета, с 1786 г. советник Петербургского губернского правления, поэт, переводчик Тацита и «Персидских писем» Монтескье, впоследствии член Российской академии. Председателя Общества не имело. Кречетов обращался к Екатерине II с просьбой назначить председателем наследника престола, или кого она пожелает, но и эта его просьба была оставлена без внимания.

30 ноября 1792 г. Кречетов обратился к митрополиту Гавриилу, доставившему ему за четыре года до этого большую неприятность (об этом речь будет дальше), с просьбой об одобрении всех его проектов: об учреждении национальной словесно-учения школы для распространения грамотности в России, составления патристической и коммерческой компании, общего банка, коммерческой школы, коммерческой конторы, компании путешественников по России и юридической школы²⁰. Здесь следует иметь в виду, что Кречетов, говоря в коммерции, разумел преимущественно торговлю книгами, и следовательно в проекте о коммерческих учреждениях преследует одну и ту же цель просвещения России. Интересна и задуманная Кречетовым компания путешественников. Проект ее изложен им в прошении на имя правящего должность герольдмейстера Л. И. Талызина от 30 июля 1792 г.: «Не угодно ль им [т. е. герольдмейстерской конторе] будет составить компанию путешественников по России, как водою, так и сухим путем, с тем, дабы чрез оное путешествие с помощью прежних описаний учинить новейшее всей России рассмотрение, из коего бы вновь как географию, так и топографию, и минералогию и металлургию, купю и карту, или книгу коммерческую (собственно к науке коммерческой принадлежащую), також и потребных к водоходу каналов к соделанию, равно и к распространению человеческого слова—грамматики и словаря к сочинению сведения снискать истинные, дабы всякое государство благоустройством наивернейшим образом сочинить было возможно к наибольшему отечества нашего жизненности в наилучший порядок приведению, и всех вообще обогащению, и тако во истинном величии сил и могущества пред всем светом прославлению»²¹. Таким образом компания путешественников по проекту Кречетова—не что иное как научная экспедиция для всестороннего обследования России и составления описания ее.

Поставив себе определенные задачи, Кречетов обращался за содействием и к верховной власти, и к высокопоставленным лицам, и в административные учреждения и научные общества, и к отдельным группам населения: дворянству, духовенству, женщинам, и за редким исключением от всех встречал отказ и равнодушное отношение, вероятно потому, что за словесной шелухой трудно было добраться до самой сути дела.

III

Кречетов не только писал и знакомил общество со своими идеями путем устных бесед и подачи своих писем и прошений к разным лицам и в разные учреждения, но и делал попытки печатать свои сочинения, главным образом с целью популяризовать свое любимое детище—«Всенародно вольно к благодействию общество». Он предпринял периодическое издание, орган Общества, под странным названием: «Не всю и не ничево». Вышел в свет только первый лист этого издания. Титульный лист его был таков: «В 1786-й год новой Новое издание. Не всю и не

ничего. Лист первый. В первое число Генваря Объявление о издании сем Сие сочинение праздничное, определенное в свет ко изданию в 1785 году, ноября в 24 день, то-есть в Тезоименитство Великия Екатерины II, Императрицы Российския, в соответствии и в достопамятность Ею творимых человечеству благодеяний. В Санктпетербурге (12°, загл. лист+6 нenum. стр.). Здесь он поместил объявление о новом «Всенародно вольно всему человечеству к благодетствованию обществу», в котором сообщил об открытии Общества определениями 30 августа и 20 и 22 сентября, подтверждении определением 11 октября и утверждении его 24 ноября и в конце излагал цель Общества: «Направление его есть к распространению общепользных человечеству знаний, к свободно действию типографий, и к расширению книжной коммерции, и теми к наибольшему и способнейшему введению в человечество умопросвещения, а чрез то и к приобщению ему всякого блага». Напечатан был первый лист в количестве тысячи экземпляров. 22 мая 1786 г. Кречетов подал в Управу благочиния прошение о разрешении ему печатать вверяемые ему сочленами по Обществу сочинения и переводы и о даче ему «потребного наставления», на основании которого он мог бы давать наставления сочинителям; одновременно он представил на- апробацию цензуры второй лист своего издания, но ответа не получил. После этого Кречетов стал представлять последующие листы, лист за листом, и все с таким же неуспехом. Первый напечатанный лист «Не всю и не ничего» является в настоящее время большой библиографической редкостью. Встречается он обыкновенно в составе другого издания Кречетова, о котором будет сказано дальше. В таком, не самостоятельном, виде он сохранился в деле Кречетова в двух экземплярах. Полный экземпляр издания—один печатный и пять рукописных листов—хранился в 1899 г. в библиотеке П. М. Дмитриева. Текст его по этому экземпляру был опубликован Е. А. Ляцким в первой книге «Чтений в Обществе истории и древностей российских» за 1899 г.²², при чем издатель не знал о принадлежности его Кречетову.

17 сентября 1786 г. Кречетов представил в Управу благочиния еще свое сочинение «Цензуронаставление или изъяснение понятий, по которым книгоиздателью в присылаемых к нему всякого рода от людей человечеству в пользу служащих сочинениях цензарную должность наблюдать и тем государству российскому службою пользу, честь и славу приобретать и посредством человеческого умопросвещения, по силе закона или учения христианского, и всему человечеству пользы снискивать надлежит. Сочинено в Санктпетербурге июня дня 1786 года»²³ и просил, «оное апробовав, определить мне управы сей в делах цензурных для облегчения самому быть по тому изданию яко процензором», обещая принести присягу и дать подписку, что будет выполнять свои обязанности согласно правилам Управы благочиния. Таким образом он просил назначить его своим собственным цензором. Конечно никакого ответа не последовало. 23 ноября Кречетов повторил свою просьбу с таким же результатом.

В 1787 году Кречетов напечатал два своих перевода: «О размножении цветов», перевод с немецкого, в типографии Вильковского и Галченкова²⁴, и «Сокращенное предложение королевского плана к поправлению правосудия, сочиненное господином Формеем. Напечатано в Санктпетербурге в 1787 году» (тит. л.+6 нenum. стр.+107 стр.+5 нenum. стр.) в типографии Матвея Овчинникова²⁵. В конце книги имеется «реестр книгам», в котором издатель приглашает каждого благонамечательного читателя подписываться на издания под подлинниками, предварительно прочитав их у издателя, «дабы знаг число, сколько их напечатать; а подписатели покупать бы их могли, верно зная, что они полезны». В реестре далее перечисляются заголовки десяти уже приготовленных к печати сочинений (на заседании 28 июня 1787 г. их было определено напечатать)²⁶, шести сочинений, которые будут открыты к прочтыванию и одобрению после переписки на бело, и девяти сочинений, которые впредь будут сочинены и объявлены для подписки. Король, о котором говорится в книге,—Людвик XIV. По собственному показанию Кречетова он израсходовал на издание книги 90 рублей, а выручил всего 8 рублей, хотя и напечатал о ней объявление в «Ведомостях». Потом он продавал ее по пониженной цене, раздавал даром, и все-таки книга не разошлась. Наученный горьким опытом, Кречетов решил впредь издавать только те книги, на которые нашлись бы охотники их купить, предварительно вызвав этих охотников, «на подобие как обыкновенно люди мастеровые о мастерстве своем публикуют». Такой список был уже приложен к «Королевскому плану», но очевидно не имел желаемого результата, так как книга не разошлась. Кречетов составил новый реестр, более подробный и по числу номеров, и по тексту и напечатал его, без представления рукописи на цензуру Управы благочиния, в той же типографии Овчинникова

под заглавием: «Открытие нового издания; души и сердца пользующего. О всех, и за вся, и о всем ко всем; или Российской патриот и патриотизм» (12^я, 40 стр.). С реестром был сброширован первый лист «Не всю и не ничево» и 8 листов бумаги для подписки на сочинения. Лицо, купившее реестр, могло подписаться и передать его другому лицу для подписки и т. д. Получив реестр обратно от последнего подписчика, Кречетов взамен высылал новый экземпляр. В деле имеется три экземпляра книги, из них два экземпляра имеют листы для подписки с фамилиями подписчиков, а третий без фамилий. В двух экземплярах имеется первый лист «Не всю и не ничево», в третьем его нет. «Открытие» является величайшей библиографической редкостью, как и «Не всю и не ничево». В Ленинской публичной библиотеке должен быть экземпляр, принадлежавший Д. В. Ульянинскому, а в библиотеке Государственного Исторического Музея—экземпляр Щаповского собрания. Мне известен еще экземпляр, принадлежащий Н. Ю. Ульянинскому. Обоим изданиям посвящает несколько страниц А. Н. Неустроев в «Историческом разыскании о русских повременных изданиях и сборниках в 1703—1802 гг. СПб., 1875» (стр. 532—534) и Д. В. Ульянинский в своих книгах: «Среди книг и их друзей», ч. I. М., 1903 (стр. 134—137, на стр. 135 факсимильное изображение заглавного листа в натуральную величину) и «Библиотека Д. В. Ульянинского. Библиографическое описание», т. II, М., 1913 (стр. 470—474). А. Е. Бурцев перепечатал «Открытие» и «Не всю и не ничево» в своем «Архиве книжных и художественных редкостей» 1907 г.

«Открытие» принесло своему издателю большую неприятность. Для распространения книги Кречетов решил прибегнуть к помощи своего частного пристава и, не будучи по болезни в состоянии пойти к нему лично, написал ему 31 декабря. В тот же день явился к Кречетову квартальный поручик Дирина и изъясил у него по неизвестной причине более 100 экземпляров книги. Вероятно приставу было уже известно, что на книгу обратил внимание петербургский митрополит Гавриил: ему не понравилось употребление в заголовке литургийных слов «о всех и за вся». 1 января 1788 г. петербургский обер-полицмейстер Н. И. Рылеев получил от митрополита предложение расследовать дело об «Открытии», а Рылеев поручил расследование Управе благочиния. Еще не зная о грозящей беде, Кречетов 4 января 1788 г. вместе с жалобой на действия Дирина прислал для цензуры еще свое сочинение «Российской патриот и патриотизм». 6 января он узнал от Дирина же о неудовольствии митрополита, и в тот же день около полуночи пристав Иванов явился к Кречетову для следствия. 7 января Кречетов представил свое объяснение по поводу употребления инкриминируемых ему слов и печатания без разрешения цензуры «Открытия», которое он считал не книгой, а реестром. Вслед затем он заболел горячкой и не мог явиться в нижний Надворный суд, где должно было разбираться его дело в качестве уголовного. В июле к нему явилась полиция и своими требованиями явиться немедленно на съезжую довела больного до обморока. Вместо него в суд явились его поверенный Окулов и Д. В. Татищев и удостоверили, что Кречетов действительно болен и сам явиться в суд не может. Между тем еще 12 февраля 1788 г. митрополит, рассмотрев «Открытие» и последнюю рукопись Кречетова, предложил Управе благочиния запретить ему наполнять свои сочинения текстами св. писания, делать им свои толкования, составлять свои изъяснения на книги нового завета и св. отцов, которые, «сколько видно из его сочинений, он худо разумеет», именовать свои произведения «О всех и за вся» и «Трипеснице», писать о масонстве и издавать сочинения, относящиеся к церкви. 26 августа 1790 г. суд определил запретить все то, о чем писал митрополит, а также те сочинения, о которых Кречетов объявлял в «Открытии», и обязать его подпиской, чтобы он «впредь в таковых не заслуживающих одобрения сочинениях не упражнялся» и не издавал их без разрешения Управы благочиния, от суда же считать его свободным»²⁷.

Из определения суда видно, что в «Ведомостях» было напечатано объявление о продаже книги Кречетова 3-й Адмиралтейской части в Аничковском доме в книжной лавке под № 22.

Испытав столько неприятностей от цензуры, Кречетов решил прибегнуть к такому средству, чтобы избавиться от нее: 17 февраля 1789 г., следовательно еще до окончания дела о нем, он написал письмо на имя секретаря петербургского дворянства с просьбой о том, чтобы это дворянство ходатайствовало перед императрицей о свободе печати и передаче цензуры в Общество Кречетова, и составил соответствующее прошение. Письмо было передано секретарю только через два месяца—12 апреля. Дворянство должно было просить, чтобы «1) всему православному христианскому богослужению и церковным преданиям в действии быть наблюдаемым беспрекословно, а в пользу общую сочинения всем благожелательным людям изъяслять и издавать

в свет свободно, 2) дабы разуму человеческому благоглаголанье и благодеяние от противоборствий совершенно освободить (дабы и самая ныне существующая цензура благоразумию в свет изглаголитися не препятствовала и в изданиях от ошибок была осмотнительнее), все книги цензуровать во всенародно-вольно к благодействованию составляющемся из всякого чина, звания и учения обществе, 3) а доколе будет общество сие составлятися, всех его в пользу общую заготовлений в свет на издание быть ему самому цензором под обязательством, какое высочайшим благоправлением учинить ему, Кречетову, будет повелено»²⁸. Понятно, что дворянство с таким ходатайством не могло выступить.

IV

Вышеупомянутое «Открытие» перечисляет сорок два произведения Кречетова. Оно начинается следующим произведением, не имеющим порядкового номера:

«Слововещание о всех и за вся и о всем ко всем или Российской патриот и патриотизм на пользу душ и сердец человеческих. В свет изданием начато 1788-го года в генваре месяце в Санктпетербурге».

В более распространенном заголовке на первом листе после слов «и о всех ко всем» следует объяснение: «то-есть от всей России за всю Россию, ко всей России или от всего человечества, о всем человечестве, ко всему человечеству». В деле имеется три рукописи этого сочинения (№ 2812, ч. V/1, лл. 71—89, ч. V/1, лл. 71—89, ч. VI/2, лл. 1—14).

Далее в «Открытии» перечисляются следующие произведения Кречетова:

1. «Вымысел, названный Камилловы пять сновидений. Умы человеческие в действо юридическое вводящие; а чрез то всенародно вольно к благодействованию общества согласия и сословия к составлениям воспричинившей»²⁹. В стихах. По «Открытию» сочинены в 1781—1784 гг. «Камилловы пять сновидений», по мнению Плеханова, содержат целую философию истории. Рукопись (№ 2812, ч. V/1, лл. 90—116).

2. «О должностях человека и гражданина по закону естественному. СПб. 1786» (Сопиков, № 3257), перевод сочинения Самуила Пуффендорфа, 2 части, первая написана в 1781, вторая в 1782 г. («Открытие»). Рукопись второй части № (2812, ч. III/1, лл. 60—127); она начинается предисловием со сведениями о Пуффендорфе из истории философической Фридрика Генцкения в переводе Быстрицкого 1781 г.³⁰

3. «Человеческой светопознавательный вымысел, называемый героической трипеснец или троевидное изъяснение человеческого рассудка. Сочинено в России в 1784 году»³¹.

На листе, следующем после заглавного,—посвящение и содержание: «Приношение неопisanному, неизглаголанному и необъятному в роде человеческого величеству рассуждения. Героической трипеснец, то-есть троевидное человеческого разума, действ и силы провозглашение с достодолжным почитанием по Христе в 18-м веке в 9 его десятке изъясляет на земли живой, оному величеству вернейший и благопослушнейший сын естественной рассудок. Содержание сего трипеснца: Песнь первая. Глупида, то-есть похвала и сила ума человеческого существующего в глупости, изъясняющая смешение и разделение человеческого ума.—Песнь вторая. Мудрида, то-есть похвала и сила мудрости, изъясняющая направление человеческого ума.—Песнь третья. Судида, то-есть похвала, сила, справедливость, польза и святость премудрости закона христианского, изъясляющая prospect к зрению и просвещению человеческого ума, или руководство к сысканию всем человекам на земли сей рая, то-есть жизни благодетельной». Название этого произведения, как указано выше, возбудило неудовольствие митрополита Гавриила.

Содержание «Трипеснца» изложено в «Открытии» следующим образом: «Трипеснец или троевидно человеческой рассудок; о троевидном человеческих душ состоянии, о их сотворении, оных в разуме о падении и после в разум истинный о восхождении разглагольствие, с вероятными того о истинне доказательствами». Начальные строки каждой части дают понятие, о чем в ней будет говориться. «Глупида» начинается так:

«Пою невежестну и слепородну глупость,
В руках держащу гнев, тиранство, злость и грубость,
Терзающую добро, невинность, мудрость, честь;
Родящую зависть, лесть, ласкательство, злу месть».

Мудрида:

«Пою божественну и святолепну мудрость,
Направляющую ум свой выпр, воющую на глупость».

21

15.

Дело

По доносу дворового человека
Полышина Матвея, с
Милославского, преступника
отпущенного Подручником,
Кречетова и Купца Екова

1793 год

Мужа с отцом и матерью
Екова и брат его и равно
и отпущенных их,

Присланых и освобожденных
Ековских с семейством

на 318 листов

«Судияда»:

«Пою божественный святейший правый суд,
Всех освещающий имевших добрый труд».

В деле имеется беловая рукопись, написанная писцом с поправками автора (№ 2813, лл. 13—29), и черновик (№ 2812, ч. IV, лл. 372—396). К «Судияде» имеется приложение: «вымысла светопознавательного ко изъяснению к песне Судияде фигуры», в виде солнца, кругов и чертежей, с указанием, к какому стиху что относится (№ 2812, ч. I, лл. 15—26).

4. «Речь на день рождения Великия Екатерины II, императрицы Российския. Сочиненная в 1784 г.»

Рукописи в деле не имеется, а есть «Слово похвальное и благодарственное Всероссийской императрице великой Екатерине Второй на 1784 год» (№ 2812, ч. I, лл. 33—44).

5—6. «Изъяснение понятий о юриспруденции всеобщей, период 1-й; или введение в предприятия составлять вновь юриспруденцию всеобщую. Сочиненный в 1784 году».

Имеется три рукописи; первой из них предшествует «Воззвание народа российского приступить Юриспруденции своей к сочинению» (№ 2813, IV, лл. 140—164, ч. V/1, лл. 117—157, 306—319).

«Период 2-й, оные к сочинению о необходимой надобности и к тому о способах предвизывающий. Сочиненный в 1785 году».

Имеются рукописи (№ 2812, ч. IV, лл. 165—199, ч. V/1, лл. 158—174, 175—220).

7—8. «Всенародно-вольно к благодествованию общества составления. Часть I, соч. в 1785 г.». Часть II, соч. в 1785 г.

Рукописи №№ 7 и 8 не обнаружены в деле, но возможно, что они имеются, но без заголовка. Может быть обе эти части составились из определений Общества за 1785 год.

9. «Изъяснение понятий о юриспруденции всеобщей период 3-й, изображающий существо человека и должностей его, единственно из естества жизни человеческой по точному естеству же закону расположенных, или введение в историю человеческого разума и в познание необходимой надобности вновь сочинять юриспруденцию всеобщую; в 3 книгах: 1) по первобытности человеческого в разуме падения, о должностях человека в единожильстве, а потом и в общежильстве, по разным религиям вымышляемых и производимых; 2) о них же по христианству; а 3) о должностях же человек общежильствующих в России» (заголовок по «Открытию»).

Имеется три рукописи (№ 2812, ч. IV, лл. 200—220, ч. V/1, лл. 221—260, ч. V/2, лл. 328—366).

10. «Ода отличным в Российской империи верховноповеление и благодетельство сотворившим особам. За изданием в свет от ее величества Екатерины Вторые, императрицы и самодержицы всероссийския и пр. и пр. Российскому дворянству и гражданству данных прав, в достолюбящую от всея России благодарность. Написал, совершенно в патриотичество углубленный, сочинитель плана юридического в 1785 году»⁸².

Рукопись (№ 2812, ч. VI/1, лл. 544—550).

11. «Изъяснение понятий о юриспруденции всеобщей, период 4-й, относимый ко всем в свете монархам и правдолюбцам, с благопочтеннейшим от человечества приношением о восстановлении правосудия на степень высочайшую и о сочинении всеобщих законов и с ними вновь юриспруденции всеобщей. Соч. в 1785 г.» (заголовок по «Открытию»).

Рукопись (№ 2812, ч. V/1, лл. 262—305).

12. «Ода супружеству». Соч. 1785 г.

Рукопись с исправлениями автора (№ 2812, ч. IV/2, лл. 23—24). Начальные строки:

«Услышь, стыдливая Венера,
Пою союз любви честной».

13. «Дружбы основание непоколебимое, или трактат истинного супружества. К поправлению человеческих нравов и вредотворных обычаев к превращению на полезно действию. В Санкт-Петербурге в 1786-м году сочиненный, для опыта».

Рукопись (№ 2812, ч. IV/2, лл. 25—48).

14. «Над всеми на круге земном животными высокоразумнейшему человечеству, а именно: во-1) детей у себя имеющим, во-2) детей у себя иметь чающим, в-3) детей у себя имевшим, також и не имевшим, но их любящим, рода человеческого друзьям и другим, во благодествонии свое удовольствие, купно чести и славы себе с приобретением ощущающим, а в-4) и к самым единственно только самоначалное о благе

общем понятие в себе рождающим и с тем спокойства в жизни снискивать желающим, всякого рода человекам. От всего в империи Российской существующего юношества, отрочества и младенчества косногласное и слезновещательное истинного блага познания о показании и к тому всех о путевождении прошение»³³.

Рукопись (№ 2812, ч. VI/1, лл. 484—488).

15. «Сатира! Сочиненная для изъяснения имеемых в человечестве пороков и всяких в разнозакониях заблуждений, кои на всех истинных воли божией исполнителей и спокойства и благоденства общего снискивателей, именем самого Сатаны, негодованиями, зверствами и отчаянностью терзаясь, все злобно воюют, напротиву коих благоразумие человечества, бесстрашно сопротивляясь, совершенную над ними победу получить уповает Тревога или испуганной стихотворец»³⁴.

Рукопись (№ 2812, ч. V/2, лл. 164—186). По «Открытию» сочинено в 1786 г. и писано вольными стихами, сатирически. Изображается Вольтер в аду.

16. «Всенародно вольно к благоденствованию из юношества, отрочества и младенчества, от составляющегося сословия, на сатану, в похвальных его на младенчество к убийству словах в составляющиеся же всенародно вольно к благоденствованию общество и согласие явочное прошение».

Рукописи нет.

17. «Не всио и не ничево, всенародно вольно к благоденствованию общества составления о начале изъясляющее (которого 1-й лист, по дозволению Санктпетербургской Управы благочиния напечатанный, приложен при сем), а потом объявляющее что уже к сему предмету и из пола женского согласие, и из юношества, отрочества и младенчества сословие составляется. Сочиненное в 1786 г.».

Рукописи нет. См. выше об этом сочинении.

18. «Человечеству от человека патристических мыслей исповедание; изречениями относящееся, 1-е ко всенародно вольно к благоденствованию в составляющееся общество; 2-е в Санктпетербургскую Академию Наук; 3-е в Императорской Московской университет; 4-е ко всему российскому христианскому общежителству, а 5-е за сим и ко всему человечеству. Сочиненное в 1786 г.» (заголовок по «Открытию»).

Рукописи в деле озаглавлены: «Человечеству от человека мыслей своих исповедание всенародно-вольно к благоденствованию составляющемуся обществу в Санкт-Петербурге»; вероятно они соответствуют № 18 «Открытия» (№ 2812, ч. VI/1, лл. 364—388, ч. VI/2, лл. 266—276). Подпись: «В России живущий, всему человечеству к благоденствованию совершенно преданный человек».

19. «Человеческому благоразумию открытое масонство, или вольных каменщиков ордена к апологии в 1784 г., напечатанной всенародно-вольно к благу в действовании составляемого обществом члена... благолюбительное соглаголение, святую истину взыскающее. Соч. в 1786 г.».

Рукописи (№ 2812, ч. V, лл. 46—61, 62—70). Автор обращается к масонам с указанием на некоторые несовершенства их учения и предлагает присоединиться к его Обществу.

20. «Новорожденное дитя, или новое введение Россиян к наукам. 2 книги. Сочиненное в 1787 г.».

Рукописи книги 2-й «О науках новых сокращенно» (№ 2812, ч. II, лл. 456—473, 474—479).

21. «Разум политики, переведенный общества сего членом... с французского языка в 1787 г.».

Рукописи нет.

22. «Венец мудрости, или показание нижней природы. Начала и причины натур»³⁵.

По «Открытию» «общества сего членом переведенный в 1787 г.».

Рукопись (№ 2812, ч. IV/2, лл. 49—72).

23. «Всенародно вольно к благоденствованию общества составления части 3-й книги 1-й или юриспруденции всеобщей основания и твердости по четырем евангелиям воединокнижный».

Рукописи (№ 2812, ч. I, лл. 170—192, ч. IV, лл. 1—85). Третья рукопись намечает разделение сочинения на 4 книги: 1. О евангелиях; 2. Учение апостольское; 3. Учение святых отец; 4. Гражданские законы (там же, ч. IV, лл. 120—139).

24. «Всенародно вольно к благоденствованию из пола женского согласия составления, часть I, сочиненная в 1787 г. Прочие же части его впредь женского пола патриотизмом составляемы быть могут».

25. «Во славу божую в пользу человечества в империи Российской из юношества, отрочества и младенчества всеобщего человечеству к полезно действиям сословия часть I сочинена в 1787 г.».

Рукопись (№ 2812, ч. V/2, лл. 28—34).

26. «Существенное оправдание судей противу народных о несправедливости негодованияй, критик, и злословий по существенному же народному расположению сочиненное в 1787 году».

Рукописи (№ 2812, ч. III/1, лл. 53—59, 128—135).

27. «Всенародно вольно к благодетствованию общества составления», часть 4, книга 1, составлена в 1787 г. из определений 1785 г. Рукопись (№ 2812, ч. V/2, лл. 261—276).

28. Того же общества части 4-й книги 2, составленная в 1787 г. из определений 1786 г.

Рукопись (№ 2812, ч. VI/1, лл. 225—276).

29. Того же общества части 4-й, книга 3. Составлена в 1787 г.

Рукопись (№ 2812, ч. V/2, лл. 35—73, содержит прошение Кречетова к Екатерине II).

30. Того же общества части 4-й, книга 4. Начата в 1787 г.

31. «План юридический», том I. Составлен в 1781—1784 гг.

Рукописи (№ 2812, ч. IV, лл. 120—139, ч. V/2 лл. 253—260). Книга 2-я с доказательствами к положениям 1-й (№ 2812, ч. V/1, лл. 327—374).

32. «План юридический», т. II, составлялся в 1782—1785 гг.

33. «План юридический», т. III, начат в 1783 г.

34. «Лес лесов», приложение к тому III, «для чтения книг проначертание, полезнейших книг или всех в человечестве о каждой вещи вообще и порознь понятий к собиранию, их сложению, в порядок приведению, а потом человечеству во общежителстве должностей к сочинению и к наисвятейшему всеобщих законов составлению способствующее». Начато в 1761 г. собираться, а в 1781 г. сочиняться.

Рукописи нет. Это очевидно приведенные в порядок выписки, которые делал Кречетов при чтении книг.

35. «План юридический», том 4. Начат в 1783 г.

36. «Пчела и паук». Сатира, в основание которой положены псалом 118-й и статья 218-я Наказа Екатерины II.

Рукописи нет.

37. «Царский перстень или во благо-правильно-судо-мудрствования кругообращение».

Рукописи нет.

38. «Юриспруденция российская». Начата в 1779 г., но приостановлена по случаю работы над юридическим планом.

39. «Юриспруденция всеобщая». Начата в 1783 г.

40. «Составление всеобщих законов». Труд, подлежащий выполнению в будущем.

41. «Альфа и омега». Труд, согласно юридическому плану увенчивающий всю работу Кречетова и его Общества и конечно не написанный.

Сопиков, говоря об «Открытии» (№ 7990), так характеризует все перечисленные там сочинения: «Судя по странным и нелепым заглавиям оных, утвердительно можно заключить, что они никогда в свет изданы не будут». Сопиков несколько ошибся: два сочинения были переизданы, но вероятно и большинство современников Кречетова относились к его писаниям подобно Сопикову.

В деле имеется несколько рукописей сочинений, не вошедших в реестр. Трудно сказать, принадлежали ли они самому Кречетову или кому-либо из членов его Общества: ведь он называл себя собирателем и издателем трудов членов Общества. Возможно, что и в реестр попало что-либо принадлежащее им. Здесь критерием мог бы служить язык и стиль его сочинений. Может быть поэтические произведения, за исключением «Трипеснца», и не были написаны им. Вышеупомянутые сочинения, не вошедшие в реестр, следующие:

1. «Ода ее имп. вел. Екатерине II со всей ее высокой фамилией, сочиненная по случаю явления видимого на небе 19 февраля 1785 г.» (№ 2812, ч. III/1, лл. 220—221).

2. «Игра мыслей на супружеский расстрой» (№ 2812, ч. III/1, стр. 305—308).

Начальные строки: «Не с музами, нё с Аполлоном

Похвальну песнь начну я петь.

С Меркурием, с Протеем, с Момом

Согласие хочу иметь».

3. «Несудимый суд, производимый в Р..... в С..... истинному благочестию для пересуда или к достойному рассмотрению и решению посвящает правосудия и человечества любитель» (№ 2812, ч. V/2, лл. 367—509).

4. «Благолюбительному общежителству российскому императорского величества о учреждении губерний манифеста в окончании произреченным словам в соответ-

ственность, ко исправлению нравов и к распространению всех христианских добродетелей о приобретении лучших способов» (№ 2812, ч. VI/1, лл. 475—483).

5. «Завещание и благословение Иакова сыном своим, 12 коленам израильским, в котором законы всех народов под означением 12 колен разумеются, и показывается, что им прежде благословения и после оного еще случится» (№ 2812, ч. IV, лл. 444—491).

6. «Разум, истинну и человечество любящий о должном всем человекам или изветы, по коим благоустройство общежителъству соделывать можно и должно в России» (№ 2812, ч. III/1, лл. 309—332).

7. «Ода патриотическая» (№ 2812, ч. IV, лл. 86—92, ч. V/1, лл. 320—326).

Начальные строки: «Вонми мой глас, всех обществ ум,
Я петь начну песнь патриота».

8. «Изображение закона, и разума, и деяний, и должностей патриота и патриотизма российского, или введение всех жителей вообще всенародно вольно к благодествованию». Сочинено в 1790 г.

Говорится об Обществе Кречетова и об открытом им способе обучения грамоте, «какого никто никогда во всей Европе не употреблял и не объявлял». В более пространном заголовке это сочинение называется «юриспруденции российской к сочинению введением» (№ 2812, ч. VI/2, лл. 175—253).

9. «О супружестве. Опыт супружества» (№ 2812, ч. VI/11, лл. 389—437, 504—543).

10. «Дружбы основание непоколебимое, или трактат истинного супружества. К поправлению человеческих нравов и вредотворных обычаев к превращению на полезно-действию. В Санкт-Петербурге в 1786 г. сочиненный для опыта» (№ 2812, ч. IV/2, лл. 25—48).

11. «Всеобщий человеческий о общежителъстве к разглагольствию предлог, или всеобщее отрочества и младенчества сих рождышими и со всеми рода человеческого друзьями и другинями к благодествованию сословие, содержащее в себе о наследстве трактат, человеческих нравов наилучшее к поправлению и вредотворных их обычаев на полезнодействию к превращению». Сочинен 21 мая 1786 г. (№ 2812, ч. I, лл. 28—32, ч. V/21, лл. 25—35).

12. «План или предначертание к сочинению российской юриспруденции» (№ 2812, ч. I, лл. 331—426).

Кроме перечисленных сочинений в деле имеется еще много рукописей, относящихся к трудам Кречетова по юриспруденции и к основанному им Обществу.

Кречетов был неудачник. По службе ему не везло. Несмотря на все свои старания, он не мог применить свои обширные познания и принести действительную пользу. Его широкие мечты о благе России и всего человечества получили такое оформление, что могли только оттолкнуть от желания с ними познакомиться. И в личной жизни Кречетов был такой же неудачник: совершенно одинокий, он не имел близких родных, попытки его жениться не осуществились, а люди, с которыми он ближе сошелся и которым больше всего доверял, предали его.

26 апреля 1793 г. петербургский генерал-губернатор Коновницын сообщил правящему должность генерал-прокурора А. Н. Самойлову, что «малороссианин» Осип Малевинский сделал ему письменный донос на поручика Кречетова, уже известного Коновницыну по разным вздорным его сочинениям, за что был сужден в надворном суде». Малевинский приложил к своему письму несколько сочинений Кречетова: «Объявление благолюбительному общежителъству»³⁶; «Разум истины в человечестве к бытию о должности всем человекам извет»³⁷; «Что есть патриот и патриотизм»; «Всем империи Российской людям благоуоченным благопотребное наставление» и «Донесение г-ну д. с. с. Талызину в пользу общественную».

В своем доносе от 25 апреля Малевинский просит разрешения открыть заблуждения Кречетова и обнаружить ту опасность, которая «всем нам» угрожает: он по всему государству распространяет сегования, негодуя на необузданность и злоупотребления власти и возвращая права народу. Малевинский выражает опасение, как бы «скариотские плевель» Кречетова не возжгли бы «большого полоумю». В заключение он сообщает адрес Кречетова, скрывающегося в доме купца Еркова близ Охтенского перевоза. Еще сильнее выразился Малевинский в своем прошении на высочайшее имя: «Кречетов произносил непристойные и укорительные слова на высочайшую честь императорского величества, також и на высочайших наследников... и весь сенат ругал, яко воры и разбойники, и сама же потакает им и делает за одно. И так все то чинил он, Федор Кречетов, великую противность к святым церквам яко идолослужение производил и называл всех правоверных идолопоклонниками... и пророчествует к величайшему бунту такому, которого еще не бывало»,

Петра I он называл «великим тираном, вором и разбойником», а про Екатерину II говорил, что она впала в роскошь и развратную жизнь, вступила в масонскую веру и недостойна престола, как «убийца». Кречетов задался целью «правовверных избавить от ига царского, в котором поныне по слепоте своей страдает, солдат он убеждает «чтобы всем офицерам и штатским перевязали бы руки», крестьянам, боярским и экономическим (т. е. монастырским) хочет дать свободу, а армию уничтожить, потому что «войны более уже не будет»³⁸.

6 мая Малевинский был допрошен в Тайной экспедиции и объяснил о причине своего знакомства с Кречетовым: Кречетов жил «для компании» у сыновей бывшего сенатского эзекутора Татищева, а он находился у Татищевых в услужении, управляя делами и причесывая волосы, поэтому они и познакомились; Кречетов показывал ему разные свои сочинения и проекты и рассказывал о своем желании получить привилегию на устройство школ. Прочитав проект Кречетова о школах, Малевинский спросил его: «да на какой же конец ты такие школы заводишь, вить ныне по милости государыниной везде заведены училища». На это Кречетов ответил: «это только мажет по губам государыня из одного тщеславия, а я де заведу училище такое, что наберу множество людей, да и баб до тысячи, а как де совсем это учрежу, то стану приглашать к себе солдат и уговаривать, чтоб они командиров всех перевязали и холопей и крестьян сделали вольными, куда што говорить, и сделаю то, чего никогда в жизни не бывало, солдатам же, кои приходить будут, дам гвардейское жалованье, а как все это сделаем, то и солдат всех распустим, ибо воевать ни с кем не станем». Кроме того Малевинский говорил, что Кречетов внушал попадавшимися ему солдатам, что присяга не имеет значения, выдумана она государями, а крестьянам и холопам—чтобы они старались о свободе и вольности, так как «и государыня давно оное хочет сделать, то недопускают ее до сего бояры»³⁹.

7 и 8 мая в Тайной экспедиции допрашивался сам Кречетов по поводу показаний Малевинского о его непростой и дерзких словах. Ему было предложено семь вопросов⁴⁰. Первый вопрос касался школ. Кречетов объяснил, что действовал в духе намерений самой императрицы. По поводу его слов, что государыня своими школами только по губам мажет, он придумал очень сложное и витиеватое объяснение, исходя из слов апостола Павла: «млеком вы напоих, а не брашном». Что касается дерзких слов про императрицу, о которых Малевинский упоминал в своем доносе и повторил в экспедиции, то Кречетов сказал, что не помнит, чтобы их говорил, но мог их сказать в пылу спора, так как окружающие его люди, чтоб только поспорить, всячески его раздражали и забавлялись, насмехаясь над ним. По поводу совместного обучения обоих полов в школе он объяснил, что считает необходимым иметь отдельные мужские и женские школы подобно тому, как бани делятся на мужские и женские. Все сказанное об агитации среди солдат Кречетов отрицал и называл «гнусным и посмеяния достойным предприятием». Также отрицал он приписываемое ему намерение освободить крестьян и холопов: «Я из вольности невежд о могущих в общежитии бедствиях довольно имею познание, имея же оное, конечно, не могу пожелать, чтоб оная была дана невеждам, силы оные не знающим, ибо таковым давать вольность есть то же, как бы кто давал несмысленным детям для игрушек ножи, ибо вольности самую сущую силу и грамоте умеющие не все разумеют». Допрос Кречетова имел следствием письмо генерал-прокурора Самойлова к главе Тайной экспедиции такого содержания: «Вы знаете сами, каким образом достичь от него всю истину: нужно, мой друг Степан Иванович, узнать и о том, что не имеет ли он каких ни есть покровителей, к которым он относился или имел от которых наставление: все это предоставляю вам, милостивый мой государь, вы конечно знаете, какими средствами дойти до истины. Завтра увижусь с вами, будьте здоровы»⁴¹. Повидимому Самойлов намекал на необходимость применить особые средства, чтобы добиться от Кречетова истины. 8 мая после допроса Кречетову была дана очная ставка с Малевинским. Каждый из них остался при своем⁴². Кречетов свои показания закончил заявлением, что он предает свою жизнь богу и государыне, и просил слезно о милосердии и помиловании.

Свидетелями по делу были взяты в Тайную экспедицию регистратор Государственного Архива Василий Окулов, писарь кавалерской думы военного ордена Михаил Скворцов, типографщик купец Матвей Овчинников и мещанин Степан Ерков.

Самое большое показание дал Окулов, допрашивавшийся с 13 мая и в Тайной экспедиции, и у генерал-прокурора⁴³. Познакомился он с Кречетовым, когда тот жил у Татищевых, видел у него множество экземпляров «Открытия» с подписями соучастников его и подписку на устройство типографии также со многими подписями. Своими сочинениями Кречетов, по словам Окулова, думал увеличить число членов

своего Общества и «обработать» умы, после чего удобнее будет действовать к общей пользе. О Наказе Екатерины II он высказался, что государыня совсем оставила его без действия и боится, «чтоб из него чего страшного не вышло», если б было возможно, она совсем бы истребила свой Наказ. Члены созданной ею комиссии пьянствуют и гуляют, только даром жалование получают. В России господствуют несправедливость, взяточничество, злоупотребления. В результате такого образа действия правительствующих лиц может выйти бунт, подобный тому, что был в Москве при Алексее Михайловиче. Для борьбы со всеми недостатками Кречетов хотел устроить Общество из лиц, потерпевших от злоупотреблений. При разговоре о Французской революции он высказал мнение, что его предприятие может спасти Россию от участи Франции. К Радищеву Кречетов относился отрицательно, но находил, что государыня поступила с ним строго и неправильно. По мнению Окулова цель, которую преследовал Кречетов, была, «свергнув власть самодержавия, сделать либо республику, либо иное что-нибудь, чтоб всем быть равными». При всех разговорах он «никогда самодержавной власти не одобрял». Свои школы он хотел завести, «чтоб посредством школ тех народ довести до такой тонкости, дабы он наперед страшился сам всяких насилий и беззаконий; общество должно получить такую силу, чтобы государи исполняли его решения, а за неисполнением оных тотчас бы де самодержавная власть слетела». Разговаривая о «расколах и несогласиях» во Франции, Кречетов сообщил о своем плане весь свет подчинить под один закон, основанный на евангелии; двадцать лет он над ним работал и никто не знал о такой его «страшной деятельности»; были и раньше люди, которые хотели достичь той же цели, но они действовали в одиночку, он же хочет выполнить свой план общими силами.

19 и 20 мая допрашивался в Тайной экспедиции и у генерал-прокурора Сковрцов⁴⁴. Он познакомился с Кречетовым у секретаря кавалерской думы подполковника Базина. Кречетов искал переписчика для своих сочинений и Базин рекомендовал ему Сковрцова. Его показания дают подробности о печатании Кречетовым своих книг в 1787 г.: «О размножении цветов», «Королевского плана», «Открытия», «Не всио и не ничево». Между прочим он сообщил, что Кречетов дал в 1787 г. одному французу, уезжавшему на родину, 50 экземпляров своего листа (очевидно «Не всио и не ничево») и, когда Франция сделалась республикой, выражал надежду на успех там своих идей. Написав две книги под заглавием «Разум, истину человечества любящий», Кречетов послал их в городскую думу для цензурования и к митрополиту; последний посоветовал автору жить «по-офицерски». Сковрцов сообщил о проектах Кречетова устроить коммерческие школы для обучения купечества правильной коммерческой науке, юридические школы, «чтоб, собрав все законы во-едино составить один», компанию путешественников для осмотра всех заводов и мануфактур. Задуманные Кречетовым школы грамотности представлялись Сковрцову его орудием в борьбе с самодержавием; он собирался, когда дана будет ему привилегия составить школу, «то тогда из обучавшихся обоих полов... умы их направить к соделанию вольности, а как сие соделается, то уже и самодержавной власти не надобно». И Сковрцов подтвердил, что Кречетов «порицал разными непристойными речами государыню», считал Петра I тираном и наущал солдат «быть непокорными властям своим».

20 мая был допрошен торгующий книгами купец Овчинников, познакомившийся с Кречетовым около 1786 г., когда тот принес к нему для напечатания с дозволения Управы благочиния переводную книгу свою «Королевский план к поправлению правосудия». Напечатано было 600 экземпляров и пущено в продажу. После этого Овчинников напечатал без цензуры список сочинений Кречетова, не считая этого списка за книгу. Когда реестр был уже набран, Кречетов велел наборщику прибавить в заголовке слова «о всех и за вся». Отпечатано было в таком виде сто или более экземпляров. Овчинников же напечатал объявление о продаже реестра. Когда книги вызвали неудовольствие митрополита, частный пристав отобрал у Овчинникова все имевшиеся у него экземпляры и его самого доставил в Управу благочиния. Здесь он был допрошен и отпущен. Дело было передано в Нижний надворный суд для поступления с виновными автором и типографом по закону, но Овчинникова туда не вызывали⁴⁵.

Больше всего хлопот доставил Тайной экспедиции мещанин Ерков, допрошенный 15 и 19 мая. Ерков, пользовавшийся покровительством цесаревича, получил на откуп Кинбурнские соленые озера, но запутался в делах и попал в тюрьму, по выходе из которой вел процесс с виновником своих бед генерал-майором Болтинным. На этой почве он и сошелся с Кречетовым, которого взял к себе в дом. Свидетели указывали на Еркова как на единомышленника Кречетова. Ерков упорно

отрицал при допросе и на очных ставках свое знакомство с Малевинским и пребывание у него в доме Кречетова. Даже «увещания» самого Шешковского не помогли ⁴⁶.

При аресте Кречетова у него был взят весь архив, состоявший из его сочинений, выписок, определений его Общества, документов личных и по тяжбам разных лиц, которые он вел. Некоторые из его бумаг обратили на себя внимание следователей, и Кречетов был допрошен по поводу их. Одна из этих записок вызвала тот ответ Кречетова, в котором он открыто высказал свое мнение о необходимости ограничения самодержавия, подобно тому, как оно было ограничено верховниками при Анне Иоанновне ⁴⁷. Спрошен он был и по поводу выписок, «в коих вольность похваляется, а самодержавие осуждается» ⁴⁸, и статей о французских королях, наполненных не только поношением, но и совершенным ругательством. Следователи спросили: «откуда он те листы выписывал и чьею рукою оные писаны?» Кречетов ответил, что выписки, где «похваляется вольность», взяты из печатной русской книги, называемой «О государственном правлении» ⁴⁹, из библиотеки Трубецкого, «а прочие листы, откуда выписывал, из книги ли или манускриптов, он не упомнит, так как и того припомнить не может, чьею рукою оные писаны». Выписка на французских королей между прочим содержала утверждение, что набожные короли были самые скверные (Генрих III, Людовик XI).

Следователи пришли к заключению, что Кречетов достоин тягчайшего осуждения; своими дерзкими словами он мог людей «подвинуть к неприятному для государства предприятю», ибо все его сочинения наполнены рассуждениями о вольности, а приводимые им места из Наказа и учреждений получают у него превратный смысл; однако не открылось, чтобы он мог учинить возмущение или собрать вредную шайку, во-первых, потому, что, будучи так беден, что не имел дневного пропитания, не имел возможности подкупить солдат и холопов, во-вторых, характер его не только горячий, но и бешеный, а люди с таким характером не способны к важному предприятю, в-третьих, потому, что, будучи о себе и своем уме очень высокого мнения, на деле он никаким наукам не учился, а только воспользовался чтением негодных книг из библиотеки Трубецкого, отчего и возмечтал о себе, вчетвертых, все его дерзкие слова, внушения солдатам и холопам о вольности, похвальба сделать в России то, чего еще не было, все это из хвастовства, а на деле он ничего не произвел бы, потому что никакой привилегии он не получил бы и не мог бы собрать сволочь, а если бы стал делать солдатам и холопам внушения о вольности, то это скоро бы обнаружилось ⁵⁰.

Следствие кончилось таким решением: «Кречетова содержать здесь в крепости. Еркуша расспросить и после сослать в Сибирь в Пелым». Доносчик Малевинский был освобожден из холопства и награжден 200 рублями. 11 июля докладная записка по делу Кречетова была доложена Екатерине II и утверждена ею. Окончательно приговор о Кречетове был следующий: «Запереть его в здешней крепости до высочайшего ее имп. величества решения под крепчайшею стражею, не допуская к нему никого, так и писать ему не давая, потому паче, что иногда не откроется ль еще какого на него здесь извещения» ⁵¹. Таким образом Кречетов был посажен в Петропавловскую крепость на неопределенное время и лишен того, что ему было всего дороже: возможности писать и пропагандировать свои идеи.

Однако этим дело не кончилось. Заключенный в Алексеевский рavelин, он был 17 августа снова подвергнут допросу по поводу некоторых рукописей его ⁵².

В декабре 1794 г. в судьбе Кречетова произошла перемена: состоялся указ отправить его в Шлиссельбург и там содержать накрепчайше. 24 декабря из Тайной экспедиции было отправлено предписание к коменданту Петропавловской крепости А. Г. Чернышеву отдать кол. сов. Макарову секретных арестантов Кречетова и Фишера, содержащихся в Алексеевском рavelине. Прапорщику сенатской роты Тимофееву предписано было отвезти Кречетова в Шлиссельбург и сдать коменданту местной крепости полковнику Колюбакину, а Колюбакину велено посадить Кречетова в одном из номеров крепости «так, чтоб он никаких разговоров и сообщений ни с кем не имел и содержан был накрепчайше». На содержание Кречетова было отпущено Тайной экспедицией по 25 коп. в день. Колюбакин в ответ рапортовал, что Кречетов доставлен в 8 часов пополудни 25 декабря и посажен в номерную казарму № 5 сверху. При осмотре были обнаружены зашитые в подушке бумаги. По рассмотрении в них ничего не оказалось, почему они и были уничтожены. В следующем рапорте Колюбакин донес в Тайную экспедицию, что в постели Кречетова найдены зашитыми бумаги с наколотыми, булавкой словами, которые и препровождены в экспедицию ⁵³.

Кречетов просидел в Шлиссельбурге до воцарения Александра I: он был освобожден по указу 22 марта 1801 г. 9 мая он дал Н. К. Михайлову доверенность на

получение отобранных у него при аресте личных документов и бриллиантового перстня; из этой доверенности видно, что Кречетов в это время не имел «пристойного одяния», здоровьем был слаб и ногами болен. Дальнейших сведений о его судьбе не имеется.

Публицистические произведения Кречетова совершенно не изучены. Правда, задача изучения их чрезвычайно неблагоприятна: если и читателю XVIII в. трудно было их одолеть, то тем более современному, но интересно было бы проследить, под какими влияниями образовались его взгляды и как он сам действовал на свою аудиторию. Фамилии его последователей установить можно, выявив же их личности чрезвычайно трудно. Сочинения Кречетова переполнены ссылками на священное писание, но митрополит Гавриил утверждал, что Кречетов худо понимает св. писание; на каждом шагу цитаты из Наказа Екатерины II и законов Российской империи, а по мнению генерал-прокурора Самойлова и «кнутобойцы» Шешковского они представлены в превратном виде. В чем же здесь дело? Значит ли, что писания Кречетова с точки зрения властей того времени так же преступны, как и его разговоры, или же следователи, напуганные разговорами Кречетова, увидели в его сочинениях то, чего в действительности не было? Выяснить настоящую физиономию радикального публициста конца XVIII в. еще дело будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В литературе имеется указание еще на дело архива Синода № 46 «по доношению поручика Федора Кречетова с доверенностью от него польскому уроженцу Петру Давиденку с разными положениями о бытии ему в продолжении начатого под названием Не всио и Ничего в пользу общего издания процензором, и о даче ему ж в сходственность законов для заведения желающим обучаться чтению и писанию, школ, привилегии» 1786 г. (Библиотека Д. В. Ульянинского. «Библиографическое описание», т. II, 1913 г., стр. 472). Это дело должно находиться в Ленинградском отделении Центрального Исторического Архива.

² ГАФКЭ, дела Герольдмейстерской конторы, кн. 613, л. 44.

³ № 2813, л. 33, паспорт Кречетова, выданный 4 октября 1778 г. из Калужского наместнического правления.

⁴ Там же, л. 34, копия патента от 9 сентября 1779 г.

⁵ В деле Трубецкая называется Натальей Ивановной, но речь идет несомненно о вдове Петра Никитича Наталье Васильевне.

⁶ Копия аттестата на звание учителя—№ 2812, ч. I, л. 11.

⁷ Дмитрий Васильевич Татищев (р. 1763, ум. после 1818 г.) был сыном Василия Васильевича (1725—1784), экзекутора Сената в 1764—1765 гг., помещика Лужского уезда, Петербургской губернии, у которого было 10 сыновей. Тяжба между ними окончилась в 1791 г. разделом отцовского имения. И Корольков, и Плеханов ошибочно указывают совершенно других Татищевых.

⁸ № 2813, лл. 197—200, показание Сковрцова.

⁹ № 2812, ч. V/2, лл. 36—71.

¹⁰ № 2812, ч. VI/2, л. 9.

¹¹ № 2812, ч. IV, лл. 514—523.

¹² № 2812, ч. IV, л. 371.

¹³ № 2812, ч. IV, лл. 114—119; ч. V/2, лл. 187—194, ч. VI/2, лл. 15—25.

¹⁴ № 2812, ч. VI/1, лл. 438—454; ч. III/1, лл. 253—258.

¹⁵ № 2812, ч. IV, л. 371.

¹⁶ № 2812, ч. V/2, лл. 36—73, прошение 1787 г. Екатерине II, в котором Кречетов сообщил биографические о себе сведения.

¹⁷ № 2812, ч. I, лл. 53—132; ч. IV/2, лл. 120—148; ч. III/2, л. 13.

¹⁸ № 2812, ч. I, лл. 58—60, 92.

¹⁹ № 2812, ч. IV/2, лл. 123, 124.

²⁰ № 2812, ч. I, лл. 7—10.

²¹ № 2812, ч. V/2, лл. 195—250.

²² «Новое издание «Не всио и не ничево». Журнал 1786 г. Текст с предисловием Е. А. Ляцкого», стр. I—XIII+1—36.

²³ Рукопись хранится в деле № 2812, ч. III/2, лл. 1—12.

²⁴ № 2813, л. 197, показание Сковрцова.

²⁵ У Сопикова № 8895. Этой книги в деле нет. Я пользовался экземпляром, принадлежащим Н. Ю. Ульянинскому, за что приношу ему мою благодарность.

- ²⁶ № 2812, ч. III/2, л. 13.
- ²⁷ № 2812, ч. III/1, л. 259.
- ²⁸ № 2812, ч. III/2, лл. 463—542.
- ²⁹ Заголовок рукописи.
- ³⁰ «История философическая, или о философии, в которой описываются жизни славнейших философов...; соч. Фрид. Генцкения, П., 1786».
- ³¹ Заголовок рукописи.
- ³² То же.
- ³³ То же.
- ³⁴ То же.
- ³⁵ То же.
- ³⁶ Рукопись № 2813, лл. 9—12.
- ³⁷ См. выше то же сочинение под видоизмененным заглавием.
- ³⁸ № 2813, лл. 4—5.
- ³⁹ № 2813, лл. 36—37.
- ⁴⁰ № 2813, лл. 38—44. Ответы Кречетова собственноручные—лл. 45—75 и пере-
беленные рукой писаря—лл. 132—135, 76—126. Все семь пунктов приведены
в статье Королькова.
- ⁴¹ № 2813, лл. 129—130.
- ⁴² № 2813, лл. 174—175.
- ⁴³ Допросные пункты—лл. 176, 192—193, 288—304, показания—лл. 177—191,
194—196. Показания Окулова довольно подробно изложены в статье Королькова.
- ⁴⁴ Лл. 197—203.
- ⁴⁵ Лл. 204—205.
- ⁴⁶ Лл. 206—215.
- ⁴⁷ Записка и ответ Кречетова приведены полностью у Королькова.
- ⁴⁸ Часть выписок приведена у Королькова.
- ⁴⁹ О государственном правлении и разных родах оного. Соч. г. Жакурта, из
Энциклопедии перевел Ив. Туманский. СПб., 1770, 8° (Сопиков, № 2864).
- ⁵⁰ Л. 131.
- ⁵¹ Л. 230 об. Приговор полностью приведен у Королькова.
- ⁵² Допрос изложен у Королькова. В деле он на лл. 160—169.
- ⁵³ Лл. 267—272.